

В.А. Гуроров

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Непосредственной целью статьи является подведение некоторых итогов дискуссии, посвященной проблеме взаимодействия процесса формирования политических элит, новой политической культуры и развития структур политического образования в современной России. В цивилизованном обществе политическая культура и образование не только неотделимы друг от друга, но в известном смысле являются эквивалентами. Если принять за основу определение политической культуры как «структуры индивидуальных позиций и ориентаций в отношении политики среди членов политической системы», можно рассматривать политическое образование как сложную систему, интегрирующую в результате целенаправленной деятельности те элементы культуры, которые определяют характер и формы политической социализации в процессе формирования определенного типа политического поведения и сознания, свойственных данному типу общества и государственному устройству. Любое государство стремится контролировать политические процессы посредством принятия централизованных решений, т.е. проводить явную и неявную (неформальную) образовательную политику. В демократическом обществе с развитым гражданским сознанием существование независимого общественного мнения является достаточной гарантией для ориентации государства на такую модель политического образования, в рамках которой будет поддерживаться и усиливаться механизм контроля над государством со стороны гражданского общества. Все ведущие промышленно развитые нации имеют как специфические системы «элитного образования», так и элитные образовательные институциональные структуры, внутри которых ключевые социальные игроки проводят годы, играющие решающую роль в формировании их политического сознания на школьном и/или/ университетском уровне. Если российские посткоммунистические элиты могут рассматриваться в качестве решающих акторов в политическом и экономическом развитии, весьма существенным является выяснение их основных характеристик и аргументов, обосновывающих их значение.

Ключевые слова: политические элиты, политическая культура, политическое образование, элитарное образование, либеральное образование, либеральная традиция, посткоммунизм, посткоммунистические элиты, эгалитаризм, иерархия.

Прежде чем обратиться к конкретным вопросам, характеризующим взаимосвязь функционирования элитарной бюрократической модели управления с уровнем развития политического образования в посткоммунистической России, необходимо сформулировать некоторые исходные понятия и принципы анализа. Во многом эта задача облегчена тем, что в методологическом плане аналогичные вопросы постоянно возникают и так или иначе решаются учеными, специализирующимися в области дисциплины, называемой «элитология образования». Элитное образование (в противоположность элитарному) трактуется ими как структурно сложное явление. Представляется, однако, что в настоящее время противопоставление представителями этого междисциплинарного направления структурно-функционального и ценностного подхода далеко не всегда правомерно.

Согласно первому подходу, к элите принадлежат все те, кто управляет обществом, независимо от того, как именно и какими путями представители элитарного слоя добились своего положения. Не следует считать, что единственным примером, подтверждающим правильность данного положения, является поколение сталинской номенклатуры, оказавшееся у рычагов управления после генеральной чистки 1930-х годов. Малограмотность таких людей, например, Хрущева, еще мало что говорит о специфике политического и экономического управления и планирования в таком гигантском и сложном механизме, который представлял собой Советский Союз. В средневековой Западной Европе на протяжении столетий аристократия и рыцарство также не отличались грамотностью и большинство их представителей часто вообще не умело читать и писать. Тем не менее именно в эпоху кризиса абсолютистских монархий, в распоряжении которых находился сложный и разветвленный бюрократический аппарат, Талейран мог язвительно заметить, что «народы Европы ужаснулись бы, если бы узнали, какие ничтожные людишки ими управляют». Очевидно, качество управления определяется не столько степенью образованности правителей высшего ранга, сколько структурными характеристиками элитарного и бюрократического менталитета.

В этом плане ценностный подход, согласно которому критерием принадлежности индивида к элите являются его индивидуальные и моральные качества, до известной степени одновременно фиксирует и функциональную роль образования и воспитания в социально-политической системе. Например, понимание элиты у В. Парето как людей,

имеющих наивысший индекс в определенной области человеческой деятельности, характеристики элиты Г. Моска как людей наиболее активных в политическом отношении или Х. Ортеги-и-Гассета как людей, пользующихся в обществе престижем, статусом и богатством, но располагающих моральным и интеллектуальным превосходством над массой и наивысшим чувством ответственности, включают в себя как ценностные, так и функциональные компоненты.

В западной гуманитарной традиции категория «политическое образование», как правило, рассматривается как производная от понятия «политическая культура». Считается, что в цивилизованном обществе политическая культура и образование не только неотделимы друг от друга, но в известном смысле являются эквивалентами. Разумеется, имеется немало ученых, довольно скептически воспринимающих саму концепцию политической культуры. «Концепция культуры, — отмечает С. Хантингтон, — является ненадежной в общественной науке, потому что она одновременно и чересчур податлива, и неудобна в употреблении. Она легковесна (и поэтому опасна), поскольку в определенном смысле она является остаточной категорией. Если существенные различия между обществами не могут быть правдоподобно обоснованы другими причинами, становится заманчивым приписать их культуре. Только такие попытки объяснить, что культура является ответственной за политические и экономические различия, часто остаются чрезвычайно смутными. Культурные объяснения, таким образом, зачастую неточны или тавтологичны, или же одновременно выступают в данном качестве, так как в крайнем случае они сводятся к более или менее обманчивому толкованию типа “французы всегда таковы!” С другой стороны, культурные объяснения являются также неудовлетворительными для обществоведа, поскольку они противостоят склонности последнего к обобщениям. Они не объясняют последствий в понятиях взаимодействия между такими всеобщими переменными, как уровни экономического роста, социальная мобилизация, политическое участие и насилие в обществе. Вместо этого они стремятся говорить о специфических частностях, свойственных особенным культурным образованиям»¹.

Вместе с тем методологически не существует препятствий для того, чтобы рассматривать *политическое образование как сложную систему*,

¹ Understanding Political Development / Ed. by Myron Weiner and Samuel P. Huntington. Boston; Toronto: Little Brown, 1987. P. 22–23.

интегрирующую в результате целенаправленной деятельности те элементы культуры, которые определяют характер и формы политической социализации в процессе формирования определенного типа политического поведения и сознания, свойственных данному типу общества и государственному устройству.

Независимо от особенностей и общепринятого понимания политики, любое государство стремится контролировать этот процесс посредством принятия централизованных решений, т.е. проводить явную и неявную (информальную) образовательную политику. «Когда тоталитарное государство пересматривает изложение истории в школьных учебниках или когда молодая нация развертывает школьную систему, то это означает, что политические элиты стремятся формировать и контролировать этот процесс создания политических ориентаций»¹.

В демократическом обществе с развитым гражданским сознанием существование независимого общественного мнения — достаточная гарантия для ориентации государства на такую модель политического образования, в рамках которой будет поддерживаться и усиливаться механизм контроля над государством со стороны гражданского общества. Такую систему, основанную на плюрализме интересов, с такими ее атрибутами, как автономия, самодостаточность, свобода Дж. Сартори, собственно, и называет «образованием», противопоставляя ее «индоктринации», т.е. внедрению одной единственной модели политического поведения². Производным от данного базового различия можно считать разделение М. Оукшоттом политического образования на профессиональное и универсальное, которые противопоставляются, в свою очередь, «идеологическому образованию», основанному на заучивании строго определенного набора «идеологических текстов»³.

В современном мире широко представлены все названные выше модели политического образования. Специфически западной обычно называют только плюралистическую, свободную (конечно, относительно) от государственного контроля модель. Она возникла в результате дли-

¹ *Almond G.A., Powell G.B. Comparative Politics. A Developmental Approach. Boston: Little Brown, 1966. P. 64–65.*

² *Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatham; New Jersey: Chatham House, 1987. P. 126, Note 36.*

³ *Oakshott M. Rationalism in Politics. L.: Methuen, 1962. P. 116 sqq.*

тельной эволюции как самих государственных институтов, так и различных систем политической философии.

Важнейшими институтами, в которых кристаллизуются образовательные процессы данного типа, являются, во-первых, система универсального (свободного) образования в государственных и частных школах, во-вторых, современная система университетского образования. В обеих системах на разных уровнях реализуются три основных аспекта политического образования: формулирование, закрепление и передача общих основ политического мировоззрения (возникших под большим влиянием традиции европейской практической философии, связанной с именами Аристотеля и Канта¹), освоение всей совокупности политических дисциплин (уровень научного осмысления политики и самого феномена политического) и, наконец, подготовка как к участию в выборах, так и к профессиональной политической деятельности.

Осуществляя контроль над этими институтами, политическая элита способна практически влиять на характер политической социализации и, следовательно, на другие сферы общественной жизнедеятельности². Степень такого контроля определяется соотношением образования и индоктринации³ в программах обучения, т.е. прямо зависит от уровня

¹ См.: *Aristot.* E.N. I, 1094 a1 — 1095 a12; *Кант И.* Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. С. 41–44; см. также: *Arendt H.* The Human Condition. Chicago: University of Chicago Press, 1974. P. 229; *Mc Cartney G.* Marx and the Ancients. Classical Ethics, Social Justice, and Nineteenth-Century Political Economy. Savage, Md.: Rowman and Littlefield, Inc., 1990. P. 57 sqq.

² См. подробнее: *Almond G.A., Powell G.B.* Comparative Politics. P. 65–68.

³ Конечно, нельзя рассматривать в качестве «индоктринальных» те исходные авторитарные элементы, которые лежат в основе образовательной программы любого цивилизованного общества. В отличие от различных корпораций, деятельность которых может создавать такую угрозу (религиозные секты, радикальные партии и группы и т.д.), государственная политика, например в вопросе о начальном образовании, естественно, не определяется критерием автономного выбора. Это признают почти все без исключения теоретики либерализма. «Мы, — отмечает Р. Даль, — не предоставляем детям право решать, должны они посещать школу или нет» (*Dahl R.A.* After the Revolution? Authority in a Good Society. Revised edition. New Haven and London: Yale University Press, 1990. P. 16). Не менее категорично выражается и И. Берлин: «Мы принуждаем детей быть образованными» (*Berlin I.* Two Concepts of Liberty // Liberalism and Its Critics / Ed. by Michael Sandel. N.Y.: New York University Press, 1984. P. 31).

развития политической свободы. Отдельные элементы политического образования могут быть созданы и в рамках авторитарных режимов, но они немедленно исчезают, как только авторитаризм доводится до крайнего предела, превращаясь в ту или иную разновидность тоталитарного государства.

Утвердившаяся в XX в. в западной культуре либеральная парадигма не совсем совпадает с принципами, разработанными Б. Констаном или Дж. Ст. Миллем в эпоху, когда идея верховенства гражданского общества над государством могла вполне укладываться в идеологию фритредерства и близких к ней доктрин. Отзвуки этой традиции сохраняются в либеральной концепции «минимального государства», ограничиваемого «узкими функциями защиты от насилия, воровства, мошенничества, нарушения контрактов и т.д.»¹. Но в целом либеральная философия до известной степени опосредована вполне прагматическим компромиссом между истеблишментом и политикой европейской социал-демократии.

На почве этого компромисса возникла концепция социального либерализма, сторонники которой, стремясь избежать конфликта между свободой и равенством, оказывают большее предпочтение именно равенству². Государство рассматривается ими в качестве основного инструмента, создающего исходные предпосылки для того, чтобы «одаренные природой (кем бы они ни были) могли извлекать выгоду из своего благосостояния только при наличии условий, которые улучшают положение тех, кто проиграл <...> Никто не заслуживает того, чтобы его большие природные способности или достоинства создавали бы для него более благоприятные стартовые позиции в обществе. Но из этого не следует, что необходимо устранять эти различия. Основная структура должна быть устроена таким образом, чтобы эти случайности работали бы на благо наименее удачливого»³.

Такое имеющее эгалитарную направленность перераспределение благ не может затрагивать основу рыночной экономики, поскольку,

¹ *Nozick R. Anarchy, State, and Utopia*. New York: Basic Books, 1974. P. IX; ср.: *Шануро И.* Введение в типологию либерализма // Политические исследования. 1994. № 3. С. 9.

² См., например: *Dworkin R. Liberalism // Liberalism and Its Critics*. P. 60–63.

³ *Rawls J. A Theory of Justice*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1971. P. 102.

например, с точки зрения Р. Дворкина, последняя в наибольшей степени отвечает принципу эффективности и служит тем самым идеалу равенства. Идеи рационального политического выбора и индивидуальной свободы поэтому полностью сохраняют силу¹.

Иную традицию политического дискурса, сложившуюся в странах Центральной и Восточной Европы, аналитики обычно связывают со спецификой формирования отношений между государством и возникающим гражданским обществом. Как отмечает А. Селигман, «на Востоке (Европы — В.Г.) гражданскому обществу до такой степени присущи общинные свойства, что, будучи дистанцированным от государства, оно в равной степени далеко отстоит от идеи автономного и активного индивида, на котором основана идея западного гражданского общества»².

Именно эти «общинные свойства», усиленные в социалистический период, и предопределили, по мнению некоторых специалистов, возникновение своеобразного феномена «антиполитики», оказывающего в этом регионе решающее воздействие на характер проведения реформ³.

Понятие «антиполитика» стало использоваться с целью более четкого понимания способов легитимации новых политических структур в восточноевропейских (включая Россию) странах. В то время как усиление государственного вмешательства в странах классического капитализма было вызвано возрастающей сложностью экономических механизмов и социальных институтов, уже не «выдерживающих» традиционных способов саморегулирования, на востоке Европы по-прежнему государство выступает в качестве решающего фактора, компенсирующего отсутствие соответствующих предпосылок как для возникновения рыночного хозяйства, так и для успешного осуществления политической модернизации.

¹ *Dworkin R. Liberalism. P. 67.*

² *Seligman A.B. The Idea of Civil Society. N.Y.; Toronto: The Free Press, 1992. P. 202.*

³ См.: *Mänicke-Gyöngyösi K. Konstituierung des Politischen als Einlösung der "Zivilgesellschaft" in Osteuropa? // Der Umbruch in Osteuropa als Herausforderung für die Philosophie. Dem Gedenken an René Ahlberg gewidmet / B. Heuer (Hrsg.) Frankfurt am Mein: Peter Lang, 1995. S. 225 sqq.*

Как показала практика, решение новых сложных хозяйственных и социальных проблем с самого начала осуществлялось в русле специфической бюрократической политики¹.

«Антиполитика» является, следовательно, основным способом обеспечения свободы действий для новой бюрократии, оказавшейся вполне способной воспользоваться советом, который В. Парето давал всем правителям, — трансформировать радикальные (в данном случае — антикоммунистические) настроения и энергию в такой тип руководства, когда институционализация рынка и демократии становится всецело опосредованной тенденцией к всеобщей государственной опеке².

В этих переходных условиях единство власти и основной массы населения достигается не реальными результатами демократизации общества, но обеспечивается правительством при помощи «символической интеграции», долженствующей «поддерживать совместную реализацию демократического участия»³ и способствовать преодолению противоречий, усиливая механизм снятия конфликтов «в процессе символической идентификации граждан с демократическим базовым консенсусом»⁴.

В настоящее время процесс формирования новой политической элиты в посткоммунистической России является достаточно долговременным для того, чтобы не только выявить его некоторые устойчивые тенденции, но и проводить вполне достоверные исторические параллели. Уже давно принято считать трюизмом всем известную констатацию, что качество элиты определяется как ее собственным культурным уровнем, так и моделью политического (гражданского) образования, определяющей масштаб вовлечения основной массы населения в его структуры. Разумеется, огромную роль играет установленная форма правления, политический режим, детерминирующий характер рекрути-

¹ Ibid. S. 224–225.

² Ibid. S. 225, 229.

³ *Mänicke-Gyöngyösi K.* Zum Stellenwert symbolischer Politik in den Institutionalisierungsprozessen postsozialistischer Gesellschaften // Öffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identität. Institutionenbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa. In memoriam Gábor Kiss. Kristina Mänicke-Gyöngyösi (Hrsg). Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozialismus und Kommunismus. 1996, Bd. 9. S. 13.

⁴ Ibid. S. 13–14.

рования и ротации элит и другие факторы. Но в конечном итоге взаимоотношения правящих слоев общества и тех, кем они управляют, во многом являются производными от господствующего типа политической культуры.

«При создании правления, в котором люди будут ведать людьми, — предупреждал Дж. Мэдисон, — главная трудность состоит в том, что в первую очередь надо обеспечить правящим возможность надзирать над управляемыми; а вот вслед за этим необходимо обязать правящих надзирать за самими собой. Зависимость от народа, безусловно, прежде всего обеспечивает надзор над правительством, но опыт учит человечество: предосторожности тут отнюдь не лишни»¹. Но даже если допустить, что возможности гарантировать «самоконтроль» внутри элитарного строя в большей степени обеспечиваются преимуществами демократического государства, проблема ответственности элиты перед обществом выходит далеко за рамки чисто технических проблем политического управления.

В этом плане сложившаяся в современной России государственная модель управления довольно резко отличается от большинства стран Центральной и Восточной Европы. Весь опыт посткоммунистических конституционных экспериментов в России, основанных сначала на попытках соединения государственной модели США с советской властью, а в дальнейшем — на заимствовании основных элементов конституционной практики, свойственной американским и европейским президентским режимам, свидетельствует об их квазидемократическом характере, вполне совместимом со сложившимися в новейший период традициями отечественной политической культуры и политического образования.

Современная действительность не предоставляет никаких свидетельств в пользу того, что российский народ и тем более его элита преодолели многочисленные психологические комплексы, возникшие за столетия «взрывного», нередко катастрофического исторического развития. Об этом свидетельствует и современное политическое поведение отечественной интеллигенции. С того периода, как М. Горбачев «открыл шлюзы» и решил при помощи «гласности» преодолеть сопротивление собственного аппарата и инертность массового сознания, политизация культуры стала приобретать гипертрофированный харак-

¹ Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Прогресс, 1993. С. 347.

тер, естественно, за счет всех остальных ее сфер. Поприще политики сразу стало казаться исключительно привлекательным и действительно открывало немалые возможности. Однако сразу после того, как на повестку дня встали задачи практической реализации концепции демократических реформ и строительства либерального общества, политическая роль интеллигенции стала резко уменьшаться. Случилось то, что уже неоднократно наблюдалось в странах «третьего мира» в 1960–1970-е годы, а в дальнейшем в Центральной и Восточной Европе: чем сильнее была «негативная политизация» сознания в период борьбы за демонтаж старой системы, тем ограниченнее оказались возможности интеллигенции стать позитивным фактором воплощения в жизнь выдвинутой ею идеологической программы. Отсутствие развитых структур гражданского общества и быстрое формирование авторитарного, полукриминального бюрократического комплекса власти поставили доморощенных либералов перед нелегким для них выбором: вновь уйти в оппозицию к своим бывшим соратникам или окончательно связать судьбу с новыми «хозяевами жизни», обретая таким образом новую «референтную группу», но и разделяя ответственность за все их последующие деяния. Лавинообразный рост чиновничества в современной России, быстро освоившего традиции советской номенклатуры, весьма наглядно свидетельствует о характере сделанного многими выбора.

Бюрократический социализм советского типа органически не признавал и был несовместим с существованием легитимных и идеологически признанных форм автономных организаций, представлявших экономические, социальные и культурные интересы. «Организованная безответственность» плановой социалистической экономики, старые партии и массовые организации не были носителями такого типа политического образования, который способствует выявлению, артикуляции и организации индивидуальных и групповых интересов, независимых от государства. Последующие после краха СССР события не только выявили их типологическое сходство с тем, что происходило в странах Центральной и Восточной Европы в период «бархатных революций», но и подтвердили, что история всех без исключения революционных периодов трансформаций экономических и социально-политических систем свидетельствует о резком возрастании авторитарных начал в политической жизни, когда сосредоточение власти и контроля в руках небольших группировок амбициозных политиков, стремящихся укрепить свое достаточно шаткое положение «жесткими мерами» и без-

удержной пропагандой популистского толка, является именно нормой, а не исключением.

В проведенном в 1993 г. венгерским политологом М. Бихари исследовании политической культуры и стиля поведения новых политических партий, особенно входивших в правящую коалицию, перечисляются следующие их особенности: склонность к болезненной и ультимативной политизации, пренебрежение по отношению к оппонентам, вера в незаменимость, безудержное недоверие, разрыв с обществом и стремление его поучать, узкогрупповой подход к политике (*Kamarilla-Politik*), сознание избранничества, ставка на тип «солдата партии», героизация политики и стиль политического поведения, диктуемый подозрительностью и страхом¹. Естественно, что все эти черты поведения и руководства представляют собой элементарное воспроизведение традиционного, сформировавшегося еще в прошедшие десятилетия «партийного архетипа».

С исторической и социологической точек зрения сам по себе тезис, согласно которому революционные группы, пытающиеся создать новые политические институты и методы управления, зачастую просто воспроизводят в видоизмененных формах традиционные авторитарные стереотипы, тривиален², если он не опирается на конкретный детальный анализ как особенностей поведения современных посткоммунистических элит, так и специфики политического дискурса, в рамках которого, собственно, и разворачивается политический процесс в этом регионе. Тот факт, что антикоммунистическое движение первоначально вдохновлялось традиционным набором утопических ценностей, в центре которых находились окрашенные исторической апокалиптикой категории добра и зла, не отменяет необходимости указанного выше анализа. По справедливому замечанию Г. Шёпфлина, «эта антикоммунистическая ценностная система состояла из спасительных идеализированных элементов докоммунистического прошлого, особенно национализма, который возбуждал ту иллюзию, что национальная свобода неизбежно приведет к индивидуальной свободе и экономическому бла-

¹ См.: Szabo M. Die Semantik des Systemwechsels // Oeffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identität. S. 62.

² См.: Korosenyi A. Revival of the Past or a New Beginning? The nature of Post Communist Politics // Political Quarterly. 1991. No. 1. P. 1–23.

госостоянию, причем и то и другое воспринималось в мистифицированной западной версии»¹.

Вместе с тем конкретные факты, характеризующие деятельность элит как в самой России, так и в ряде постсоветских государств, нередко выходят за рамки обозначенных выше теоретических формул. Об этом свидетельствуют и результаты дискуссий, в которых помимо политологов принимают участие журналисты и специалисты в области естественных наук. Владимир Коробов, директор Центра исследований южно-украинского пограничья (Херсон) отмечает: «Самое главное: элита Украины не отражает интересов и структуры всего общества. У меня складывается впечатление, что условием попадания в украинскую элиту является происхождение и идеологическая приверженность. Чтобы попасть в элиту нужно, чтобы твоя фамилия заканчивалась на “чук” или “ко”. Нужно, чтобы ты был приверженцем так называемой “украинской национальной идеи”. Русских и русскоязычных в элите все меньше, а выходцев из Западной Украины и этнических украинцев — все больше. Учитывая социально-демографическую структуру общества можно сказать, что элита Украины рекрутируется не из всего общества, а из отдельных регионов и сторонников определенной националистической идеологии. Сторонников воссоединения с Россией и русскоязычных, отстаивающих права русских и русскоязычных, в украинской элите практически нет. Даже те, которые считались таковыми, подчиняются партийной дисциплине “Партии регионов” и приспособляются к новой украинской идеологии (Колесниченко и т.п.). В стране, где половина населения — русскоязычные, это похоже на какую-то оккупацию. Я задаю себе вопрос: кто из украинской элиты отражает мои интересы и интересы моей семьи? Никто. Я спрашиваю об этом своих друзей — никто. Мы не имеем своих представителей в составе украинской элиты. У нас нет наших министров, нет наших депутатов, у нас нет своей партии, нет своих спикеров на телевидении. Иногда нам показывают гостей из России, как бы подчеркивая: такие взгляды — это удел иностранцев, а не украинцев. Но ведь это — ложь и подтасовка! Как же мы можем относиться к этой стране и к этой элите? Украинская элита — элита всего лишь небольшой части страны и общества, она по своему составу не отражает всего разнообразия

¹ *Schoepflin G. Culture and Identity in Postcommunist Europe // Developments in East European Politics. Duke University Press, 1993. P. 23.*

нашего общества. Ее искусственно рекрутировали из ограниченных маргинальных слоев. В этом слабость Украины как государства и ущербность украинского общества. Оно не сможет в таком состоянии достичь никаких успехов. Половина страны не имеет своей элиты и вынуждена с надеждой смотреть на Путина и элиту соседней страны. Националисты испытывают кадровый голод и вынуждены рекрутировать даже на большие должности всяких ничтожеств. Один за другим проходят скандалы вокруг высокопоставленных деятелей, которые представили липовые дипломы о высшем образовании. Для украинской “элиты” характерны моральное разложение, наркомания, разврат, хулиганство, коррупция, различные формы девиантного поведения. Особенно вызывающе ведут себя дети высокопоставленных украинских чиновников, вокруг которых постоянно возникают скандалы. Украинская “элита” и в стране, и за рубежом стала притчей во языцех, образцом загнивания и морального падения. Разложение украинской элиты, ее безнаказанность отражают печальные перспективы всего украинского общества, стоящего на краю пропасти и на грани уничтожения»¹.

Не лучшей в глазах аналитиков выглядит и современная российская элита. «Современная российская элита, — подчеркивает Павел Крупкин, научный руководитель Центра изучения современности, кандидат физико-математических наук (Париж, Франция), — в массе своей поражена определенной “этической болезнью”. Эта система личностных установок является доминирующим этосом российских элитных слоев и характеризуется (а) принятием культа денег в очень интересной форме — в форме поклонения некоей магической субстанции — “баблу”; (б) иррационализацией и биологизацией мировоззрения, “заколдовыванием” мира; (г) предельным элитизмом вплоть до расизма в части социального видения. “Бегство от рациональности” российской элиты — результат отсутствием у нее стратегического понимания, неприятием ею даже идеи о возможности некоего “общего блага”, зашкаливающим эгоизмом, в том числе экономическим. На все это накладывается отсутствие уверенности в легитимности своего правления и связанного с ним социального порядка, отсутствие видения своего будущего в “этой стране”. Как результат, ярлык “временщики-компрадоры” оказывается адекватным для доминирующего аспекта идентичности российской

¹ Современные политические элиты: мнения экспертов <[http:// www.iarex.ru/articles/10582](http://www.iarex.ru/articles/10582)>.

элиты, как политической, так и хозяйственной. В чуть другом аспекте данный этос близок к этосу средневековой знати, что обуславливает и “извлечение ренты из своего социального положения” в качестве доминирующего экономического и властного мотива, и текущую архаизацию общественного сознания России. Наряду с доминирующим этосом неофеода-временщика в самом топе элиты прощупывается группа, которой хотелось бы вернуть страну в Современность/Модерн (откуда и идет термин «модернизация»). Данная группа ввиду своей политической влиятельности “наводит” на элитные слои этос модернизации — ведь ни один компрадор-архаизатор не хочет считаться таковым публично. И взаимодействие множества вариантов указанных этосов в элитных слоях и обеспечивает все богатство российской политики <...> Вследствие сказанного ранее Россия оказывается похожей на корабль в бурном море, управляемым пьяной (но довольно добродушной) шимпанзе с ограниченным каналом восприятия. Соответственно, принимаемые государственные решения очень ситуативные, и именно сложившаяся общественная обстановка фильтрует то, что может поучаствовать в жребии быть отобранным для принятия во внимание при выработке решения верхним уровнем российской власти. Так и получается, что и интересы людей, и интересы бизнеса, и интересы чиновничества “сверкают” в этом “казино” в качестве “влиятельных” на итог, при наличии некоего преобладания интересов правящего класса, естественно»¹.

Одной из причин возникновения столь близкой к катастрофичной картины можно назвать и весьма специфическую образовательную ориентацию и предпочтения высших слоев российских нуворишей и бюрократии. «Наверное, — отмечает журналист Вадим Булатов (Нижний Тагил), — есть какие-то специальные социологические термины, описывающие тип российской элиты: компрадорская, клановая, закрытая, бюрократическая, разъединенная. Но мне кажется, что ключевым здесь будет термин, описывающий внутреннее самосознание российской элиты, — “элита под подозрением”. Наша элита постоянно ощущает недостаток своей легитимности. Это ощущение порождает мощное неосознанное стремление унижить, втоптать в грязь незлиту, народ. И уже потом на фоне забитого опущенного и неграмотного предстать светлыми князьями. Эта подозрительность распространяется и на

¹ Там же.

отношения внутри элиты, что и порождает ее разобщенность. Представители элиты вынуждены постоянно доказывать друг другу, что они элита. Обычно для этого используются разнообразные формы унижения народа. Точно знаю, что высшим пилотажем среди элиты считается отмазывание родственников от уголовного наказания. Если, например, сын элитария кого-то задавил и не понес наказание —, то это, по сути, является золотой карточкой в клубе элиты. Естественно, неуверенность в себе порождает у российской элиты первоочередное стремление создать запасной аэродром вне России. Дети отправляются на учебу за рубеж, для обзаведения связями. Чтобы они стали на западе своими. Если ребенок элитария учится в России, то это ставит под сомнение его статус в глазах других элитариев. В среде российской элиты господствуют мировоззрения, в той или иной степени оправдывающие социал-дарвинизм и восходящие прямо к субкультуре воров в законе. Принимается все, что свидетельствует о том, что народ — лох и терпила. Отвергается все, что свидетельствует об обратном. Либеральная идеология говорит о русских как о вечно отсталом народе, подлежащем уничтожению¹.

Именно такого рода «идеологические» ориентации постсоветских политических элит перманентно порождают кризисы системы школьного и университетского образования, стимулируя процесс ее деградации с перспективой окончательной «африканизации». Определенным симптомом в этом направлении являются, на наш взгляд, «диссертационные скандалы», разразившиеся в России зимой-весной 2013 г. Эти скандалы вследствие своей коррупционной составляющей не только поставили под вопрос легитимность российской системы поствузовской подготовки кадров высшей квалификации, но и обнажили механизм, с помощью которого коррумпированные чиновники и продажные политики стремились легитимизировать свое положение, превратившись в добропорядочных «мужей науки». Вот как комментировало эти события одно из популярных московских изданий: «Когда-то, еще совсем недавно, Россия считалась самой образованной страной мира: и образование у нас было на зависть “доброжелателям”, и молодых специалистов готовили на совесть, и ученых наших “отрывали с руками и ногами” все мировые научные центры, и отечественные университеты считались престижными чуть ли не во вселенском масштабе <...> А сейчас — все вроде бы и так, но совсем не так <...> Последнее время

¹ Там же.

не проходит и недели, чтобы не разразился очередной “диссертационный” скандал. Жутко пытливые умы, бороздящие просторы интернета, нет-нет, да и наткнутся на откровенный плагиат то в кандидатских, то в докторских диссертациях. Но уж очень хочется, чтобы на “интеллектуальное воровство” (каковым и является плагиат) обратили по-настоящему пристальное внимание. Ведь занимаются подобным творчеством не простые смертные, а люди статусные, занимающие высокое социальное положение, стоящие у власти, так сказать, “наше все”, руководящее и направляющее. Солидные люди, а ничем не брезгуют, “надувают щёки” — лишь бы выглядеть авторитетнее. И гремят в интернете скандалы, разрываются, как снаряды, разоблачительные статьи о псевдонаучных диссертациях, “дутых” кандидатах и докторах каких-то там наук. А чем дальше, тем больше...»¹.

Такого рода тенденции лишь отражение системного кризиса власти и всего российского социума. Одна из его причин кроется в неразвитости структур гражданского общества. Разработка новых конституционных проектов в России, как и в большинстве стран Центральной и Восточной Европы, наряду с перспективой создания демократической политической системы и свободной рыночной экономики была ориентирована на формирование основных предпосылок гражданского общества западного типа. В этом смысле речь идет о новом социальном эксперименте, когда фундаментальные идеи, характеризующие западную систему ценностей, проходят как бы «вторичную проверку». Тем не менее сегодня результаты этого эксперимента в России видятся достаточно противоречивыми, а перспективы остаются крайне неопределенными. В большинстве посткоммунистических стран идеал гражданской свободы оказался первоначально реализованным в новом государственном аппарате и новой бюрократии. В России с ее традициями патриархальной монархической и тоталитарной коммунистической политической культуры концепция гражданского общества, будучи встроенной в догматический псевдолиберальный проект, оказалась еще более идеологизированной и далекой от реальности. Антитоталитарная направленность этой концепции с примесью традиционной антикоммунистической риторики приводила, как правило, к искажению и камуфляжу реального процесса разложения советского общества в направ-

¹ Власов С. Петр Бирюков: от уголовных статей к научным // The Moscow Post. 21.03.2013.

лении формирования неономенклатурного государства, нуждавшегося именно в идеологических мутантах гражданского общества, а не в его действительном существовании в качестве противовеса государству. Можно даже прийти к определенному выводу о том, что в России возникло своеобразное гражданское общество со знаком минус, представляющее собой историческую аномалию. Причина возникновения такой аномалии та же, что привела к возникновению коммунистического тоталитарного строя, — попытка резкого разрыва с прежней традицией путем бездумного и преступного внедрения в общественную ткань умозрительного социального проекта. Неизбежная реакция отторжения возвращает общество в результате целого ряда социальных метаморфоз в более архаизированное состояние как по отношению к собственному историческому прошлому, так и по отношению к нормам и социальной практике, сложившимся в либеральных обществах. Стагнация бюрократической несоветской модели управления и кризис системы образования — весьма существенные проявления этой исторически закономерной тенденции.